

Индустриализация 2.0 — неизбежность и невозможность - Русская служба The Moscow Times

Николай Кульбака

7–10 minutes

В какой-то степени России, чтобы преодолеть технологическое отставание, необходимо, как и сто лет назад, создавать собственную промышленность. Однако, похоже, это в современных условиях превращается в трудновыполнимую задачу.

Как ни удивительно это звучит, но лидер большевиков и советского государства Владимир Ленин, говоря о возможности смены власти в индустриализированной монополизированной экономике, был довольно прозорлив. Действительно, для большинства рабочих уход собственника-магната и замена его государственным служащим в теории мало что меняли. Рабочий точно так же оставался абсолютно бесправным и ни на что не влияющим винтиком производственной системы. В чем Ленин был абсолютно не прав, так это в оценке роли менеджмента, выстраивающего систему производства, продаж и маркетинга.

Но ничего удивительного в этом нет. В логике и Маркса, и

Ленина системы организации труда, созданные Фредериком Тейлором и Генри Фордом, были всего лишь способом выкачивания денег из пролетариата.

Учиться у американцев

Интересно, что книги Фредерика Тейлора и Генри Форда в 1924 году были изданы в СССР, причем книга Форда «Моя жизнь. Мои достижения» была написана всего за два года до издания в Союзе.

Генри Форд — выдающий изобретатель и промышленник, создатель компании Ford и ведущий разработчик конвейерной технологии массового производства.

Фредерик Тейлор — основоположник научной организации труда и менеджмента, из его работ выросла система профессионально-технического образования.

Один год и 18 лет

Увы, опыт советской индустриализации 1930-х годов показал, что мало купить лучшие в мире станки и технологии, мало спроектировать заводы по самым современным технологиям. Необходимо также обучить и мотивировать рабочих и служащих на этих заводах. Однако ни первое, ни второе советским руководителям сделать не удалось.

Производительность труда на советских предприятиях существенно уступала зарубежной.

Тем не менее эти заводы работали и продукцию создавали, точнее, тиражировали практически без изменения.

Легендарная полуторка ГАЗ-АА, например, выпускалась целых

18 лет. За это время было выпущено около миллиона полуторок. Правда, к середине 1940-х такое количество в США сходило с конвейера за один год.

Однако для того, чтобы выпускать все эти автомобили и тракторы, строить домны и закупать новейшие фабрики, нужны были деньги. Частных инвестиций в стране победившего социализма существовать не могло. Зарубежные концессии кончились вместе с ликвидацией НЭПа (новой экономической политики — советским людям была дозволена небольшая частная инициатива) в конце 1920-х. Единственным источником инвестиций могли стать только граждане Советского Союза, точнее, их накопления и доходы. Примерно пятую часть средств, затраченных на индустриализацию, дал, по оценкам специалистов, Торгсин, принесший государству с 1930 по 1936 год 270–280 миллионов золотых рублей.

Еда за золото

Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) – сеть магазинов, скупавших у иностранцев и советских граждан золото, валюту, драгоценные камни и предметы старины и продававшее продукты и товары народного потребления. Подробно о Торгсине написано в книге «Золото для индустриализации» (Осокина Е. А. Золото для индустриализации. Торгсин. – М.: Новое литературное обозрение, 2022).

Другим источником были доходы населения. Крестьян насильно объединили в колхозы, где они работали за трудодни, на которые выдавали скудные нормы зерна.

Рабочим выплачивали зарплату, которая тоже была весьма невысокой. Об этом говорит, в частности, тот факт, что в 1940 году рабочие вынуждены были тратить около 60% своего дохода на еду, тогда как до революции на это уходило около 40% их дохода.

Однако все эти меры позволили поднять советскую промышленность, ориентированную прежде всего на обслуживание военно-промышленного комплекса.

Где взять деньги

Снабжение населения стало улучшаться только в 1970-е годы, когда Советский Союз начал активно торговать подорожавшей нефтью. Но и это Советскому Союзу не помогло, и в 1991 году его существование закончилось.

Теперь, вспомнив эту историю почти столетней давности, мы можем вернуться в наши дни и начать говорить о возможностях новой индустриализации. Итак, задача стоит очень похожая. Необходимо в кратчайшие сроки развернуть производство всех тех товаров и услуг, которые в России пока еще не производятся.

Первый вопрос — источники инвестиций. Понятно, что зарубежных инвесторов нам в ближайшее время не видать. Посмотрим на отечественных инвесторов. Судя по оттоку капитала и рискам, связанным с ведением бизнеса в России, желающих инвестировать свои средства в экономику страны становится все меньше. По [оценкам](#) экспертов, только в этом году страну покинут около 15% миллионеров.

Остаются обычные граждане страны. Но и с них можно взять

не так много. Как показывают опросы, две трети россиян не имеют сбережений, а из оставшейся трети большинство начало активно эти сбережения [проедать](#).

Похоже, что единственным источником инвестиций в России сейчас может быть только государство. Но государство тоже должно иметь для этого средства, которые собираются в бюджете страны. А больше денег в российском бюджете не станет, — это точно.

Люди очень подорожали

Второй вопрос: где взять современные технологии. Ответ понятен: купить их там, где они есть, как это было в СССР в 1930-е годы. Но здесь одно серьезное препятствие: лучшие технологии созданы в странах, попавших в список «недружественных», так что массовое приобретение нового оборудования становится весьма проблематичным. Значит, говорят оптимисты, будем создавать сами.

И здесь мы подходим к третьей проблеме, пожалуй, самой важной.

Если сравнивать индустриализацию 1930-х годов с нашим временем, выяснится одно очень большое изменение. В 1913 году больше 50% экономики занимало сельское хозяйство, чуть больше 27% — промышленность, а сфера услуг составляла меньше 23% (данные из книги Kuboniwa, M., Nakamura, Y., Kumo, K., & Shida, Y. (2019). *Russian economic development over three centuries: new data and inferences*. Singapore, Palgrave Macmillan. Стр. 27). Фактически индустриализация состояла в том, что доля промышленности

росла, а доля сельского хозяйства падала. К 1940 году доля промышленности превысила 42%, доля сельского хозяйства снизилась почти до 21%, а сфера услуг превысила 36%.

С тех пор российская экономика изменилась колоссально. В 2017 году ее структура была следующей: сельское хозяйство занимало 4,7%, промышленность — 32,4%, а сфера услуг выросла до 62,3%. Современная экономика построена, прежде всего, на высоком уровне человеческого капитала, роль которого при этом становится определяющей. Для развития теперь нужны не только деньги, как в 1930-е годы, но и современные знания, и люди, которые этими знаниями обладают и могут их применять.

Люди эти стоят очень дорого. Только это не значит, что им достаточно платить огромные деньги. Нет, им нужны развитая инфраструктура, первоклассное образование, качественная медицина, а также свобода творить то, что они хотят, в окружении таких же, как они, высококлассных специалистов. И если государство не в состоянии обеспечить им такие условия, они будут искать их в другом месте. Именно это в России сейчас и происходит.

Так что, возвращаясь к теме индустриализации, можно сделать вывод. В текущих условиях российское государство сможет обеспечить ее только деньгами. Ни новые технологии, ни качественный человеческий капитал в текущих условиях обеспечить не удастся. Для этого нужна кардинальная смена курса государственного корабля, которая пока, увы, невозможна. Значит, и новой индустриализации ждать не приходится.

